

«ДВОЙНОЕ ВИДЕНИЕ» В РОМАНЕ Э.М. ФОРСТЕРА «ПОЕЗДКА В ИНДИЮ»

В настоящей статье рассматривается роман классика английской литературы Э.М. Форстера «Поездка в Индию». Выявлено, что «двойное видение», присущее героям романа, связано с осознанием героя/героини иным (иной), чем они считали себя. Герои, неспособные «соединить» себя и Другого внутри себя, переживают душевное потрясение при столкновении со своей внутренней инаковостью.

Ключевые слова: Э. М. Форстер, Другой, Я, инаковость, идентичность, «двойное видение».

Роман классика английской литературы Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879-1970) «Поездка в Индию» («A Passage to India», 1924) считается его наиболее значительным произведением, вызывая по сей день многочисленные интерпретации. «Поездка в Индию», как указывает А.Г. Красильников, «включает элементы философского романа, социально-бытовой комедии, психологического романа, романа воспитания и детектива»ⁱ. Исследователь также справедливо отмечает, что «слияние гетерогенных элементов... дает простор для разнообразных и часто взаимно противоречивых его толкований»ⁱⁱ.

В силу известных причин в советском литературоведении роман изучался преимущественно в свете общественно-политической проблематики; магистральными мотивами выделялись политические и антиколониальные. Безусловно, не стоит преуменьшать социально-политическое значение романа – политическая проблематика занимает важное место в произведении, однако, вряд ли стоит ее и преувеличивать. Более того, сам автор указывал, что «книга [«Поездка в Индию». – Д.П.] на самом деле не о политике, хотя общественность уловила именно ее политический аспект.... Это о чем-то *шире*, чем о политике, о поиске человечеством более долговременного пристанища, о вселенной на индийской земле и под индийским небом... Она [книга. – Д.П.]... философская и поэтическая [курсив наш. – Д.П.]»ⁱⁱⁱ.

В центре повествования находятся Марабарские пещеры, которые упоминаются уже в самом начале романа: «кроме Марабарских пещер, а они находятся на расстоянии двадцати миль, город Чандрапор не представляет собой ничего замечательного»^{iv}. Однако со слов профессора Нараяна Годбола, приверженца индуизма и мистика, мы

узнаем, что в пещерах нет скульптур, они никак не украшены, и вообще не содержат внутри каких-либо опознавательных знаков, словом, представляются довольно ординарными. Чтобы в пещерах не происходило, ответ всегда один и тот же – странные звуки «у-у-бум», издаваемые эхом. Более того, пещеры существовали и задолго до появления человека. «Посмотрев одну такую пещеру, посмотрев две, посмотрев три,... двадцать четыре, посетитель возвращается в Чандрапор неуверенным, увидел ли он что-либо интересное, или поездка была скучной, либо увидел ли он что-то вообще»^v. Представляется, что такое разное восприятие пещер в романе связано с различным углом видения: «эти пещеры выглядят романтическими *при определенном освещении и на подходящем расстоянии* [курсив наш. – Д.П.]»^{vi}. Так, например, к Сирилу Филдингу, директору правительственного колледжа, пещеры, казалось, «грациозно двигались,... как королева»^{vii}. У миссис Мур, побывавшей внутри, пещеры вызвали чувство пустоты и апатию, у Аделы – нервное потрясение, хотя из вагона поезда они казались обоим «замечательными».

Проблема видения, понимаемая как способность героя (как и читателя) видеть тот или иной объект (включая себя самого) с разных точек зрения, под разными углами, является одной из ключевых в романе: «подожди, пока у тебя будет свое собственное [видение. – Д.П.], дорогой читатель!»^{viii} – призывает нас автор. Одним из удачных примеров «двойного видения» («double vision») в романе, на наш взгляд, является эпизод возле пещер, когда герои пытаются идентифицировать лежащий на земле объект. Поначалу Адела приняла его за кобру, но, когда посмотрела на него через бинокль, она поняла, что это всего лишь «засохший и изогнутый кусок пальмовой ветки»^{ix}. Видение индивидуально, поскольку доктор Азис, разглядывавший ветку/кобру через тот же бинокль, продолжал настаивать, что перед ними кобра, принявшая форму пальмовой ветки^x. Впрочем, ничего не проясняется, ибо каждый остается при своем «видении».

Заметим, что пещера является символом многозначным и противоречивым. В древнем мире в пещерах проходили различные посвящения, у кельтов пещера являлась проходом в другой мир. Пещеры в некоторых православных монастырях обозначали духовный центр и служили местом встречи человека с Богом. Известны пещерные храмы в Индии – например, Вайхара вблизи Раджа Грихи, куда Будда отправляется для размышлений и медитаций. Пещера, пишет исследователь В.Н. Топоров, «включается в комплекс жизнь – смерть – плодородие, как одновременно место зачатия, рождения и погребения, источник и конец»^{xi}. Пещера и у Форстера в романе является маткой, откуда произошло все живое (пещеры в романе «старше, чем дух»^{xii}) и

могилой (после посещения одной из них миссис Мур хочет «удалиться в свою собственную пещеру»^{xiii}). «Слияние в образе пещеры идей жизни, смерти и воскресения объясняет не только то, что пещеры использовались как святилища, – продолжает В.Н. Топоров, – но и то, что раннехристианские храмы... имели пещерный облик»^{xiv}. Это справедливо не только в отношении христианства: в одной из своих статей Э.М. Форстер сравнивает индусский храм с пещерой, внутри которого находится «крошечная полость, центральная келья, где... человек может побыть наедине с... богом»^{xv}. Более того, по мнению писателя, «индусский храм не [предназначен] для массового поклонения. Он – для одного человека. В буддизме и христианстве существуют прихожане,... проповеди, поэтому им необходимы большие места, чтобы собраться вместе. Этого не требуется для индуизма, и как бы огромен... не был индусский храм внешне, внутренняя его часть маленькая, потаенная и темная»^{xvi}. Описание индусского храма схоже с изображением Марабарских пещер в романе. Внешне пещеры представляются массивными и огромными, а внутри они «темные» и небольшие. Герои романа с «развитым» сердцем (по терминологии самого Э.М. Форстера) способны достичь там прозрения, обрести себя и свое «видение». Некоторые отказываются посетить пещеры, другие считают их скучными, третьи, побывав там, испытывают «панику и пустоту».

Что же фактически произошло с Аделой Куестед в Марабарских пещерах? В буквальном смысле слова *ничего*^{xvii} не произошло: Азис, как мы узнаем из повествования, в то время находился в другой пещере. С медицинской точки зрения Адела, безусловно, пережила нервный срыв. Во время поездки Адела сильно напряжена, непосредственно перед входом в пещеру героиня не смогла «соединиться»^{xviii}. Адела вошла в пещеру, частично думая о том, что ее уже утомила экскурсия, а частично о предстоящей свадьбе. И Азис, и Адела скрыты в себе, заняты своими мыслями: «если мысли [Азиса. – Д.П.] были заняты завтраком, то ее [Аделы. – Д.П.] замужеством»^{xix}.

Представляется, что Адела Куестед испытала в пещере то, что известный швейцарский психоаналитик и психиатр Карл Густав Юнг назвал встречей с Тенью. Тень, по Юнгу, обозначает «бессознательную противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в своем сознании; сумма всех личностных психических элементов в силу несовместимости с избранным сознательным отношением их носителя, не допущенная к жизненному проявлению»^{xx}. Следовательно, осознание Тени предполагает признание реального присутствия темных аспектов личности. Встреча с Тенью представляет собой вход через узкий проем, подобный на тот в пещере, который потом может расшириться. Вот как

это описывает К.Г. Юнг: «Встреча с самим собой означает прежде всего встречу с собственной Тенью. Это теснина, узкий вход, и тот, кто погружается в глубокий источник, не может оставаться в этой болезненной узости. *Необходимо познать самого себя, чтобы тем самым узнать, кто ты есть* [курсив автора. – Д.П.], поэтому за узкой дверью он неожиданно обнаруживает безграничную ширь, неслыханно неопределенную, где нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет добра и зла [ситуация сходна с форстеровским «у-у-бум». – Д.П.]. Таков мир вод, в котором свободно возвышается все живое. Здесь начинается царство “Sympraticus”, души всего живого, где “Я” переживаю другого во мне, а другой переживает меня в себе»^{xxi}. В этом, на наш взгляд, и заключается «двойное видение» («double vision»), (иногда «двойное видение» представлено «сумрачно» («twilight of the double vision»). Именно оно вызывает у профессора Годбола чувство бесконечного сострадания ко всему живому, а у миссис Мур апатию, «панику и пустоту», а у Аделы Куестед истерику. Поясним, почему так происходит.

Для человека, не привыкшего совершать путешествие по «ту сторону», встреча с Тенью воспринимается как своего рода надругательство над собственным Я. В нашем сознании, указывает К.Г. Юнг, «мы господа над самими собой.... Но стоит только шагнуть сквозь дверь Тени, и мы с ужасом обнаруживаем, что мы сами есть объект влияния каких-то “факторов”»^{xxii}. При осознании этого, продолжает мыслитель, «возникает даже повод для примитивной паники»^{xxiii}.

Встретиться с самими собой как Другим, живущим собственной жизнью внутри своего Я является трагедией для человека, живущим по законам разума, исключающим возможность существования в одном человеке нескольких Я. Отметим, что сам Э.М. Форстер не исключал возможности существования нескольких Я: «в голове у каждого человека существуют две личности: одна на поверхности, другая где-то глубже. У той, что на поверхности, есть свое имя. Ее зовут... С. Т. Колдريدж или Вильям Шекспир.... Ей присуще сознательность... и... [она] сильно отличается от других личностей. Та личность, которая существует глубже, очень странная»^{xxiv}. Именно без последней, как полагает Э.М. Форстер, невозможен творческий процесс. Более того, «у нее есть что-то общее с другими личностями, существующими на глубине.... Именно там, в смутных тайниках нашей самости, мы приближаемся к вратам божественного»^{xxv}.

Тайну Марабарских пещер понимает исповедующий индуизм профессор Годбол; описывая их, «он скрывал что-то»^{xxvi}, на его лице появилось напряжение. Его внешность «предполагала гармонию, как будто бы он примирил... Восток и Запад, умственное и физическое»^{xxvii}.

Марабарские пещеры не вызывают у профессора Годбола ни чувства апатии, ни ужаса, так как, будучи героем с «развитым» сердцем и обладая интуицией, он осознает возможный инсайт, связанный с их посещением. Более того, как указывает К.Г. Юнг, «при наличии проницательности и доброй воли [нельзя не заметить, что эти качества присущи Годболу. – Д.П.] тень может быть до некоторой степени ассимилирована сознательной частью личности»^{xxviii}.

Профессору Годболу, на наш взгляд, удалось «соединиться», ибо именно он в романе (устами автора) проповедует идею цельности: «ничего нельзя совершить изолированно. Все совершают доброе действие, когда оно происходит, а когда совершается зло, то все тоже участвуют в нем»^{xxix}. Более того, индуистскому взгляду на мир свойственно «двойное видение»: «Бог еще не родился..., но Он также родился несколько веков назад, Он вообще никогда не родится...»^{xxx}. Таким образом, Бог «есть, [он] не был, [его] нет, [он] был»^{xxxi}.

После произошедшего в пещерах Годбол, понимая причину нервного расстройства Аделы, отказывается обсуждать ее состояние, и разговор между ним и Филдингом перетекает на философские темы о добре и зле. По мнению профессора, хотя добро и зло различны, люди участвуют и в том, и другом. На вопрос Филдинга, кто же все-таки совершил нападение на Аделу, Годбол отвечает, что «[это] совершено доктор Азисом,... это совершил гид,... это сделали Вы, ... это сделал я... и мои студенты..., это... совершила сама леди [Адела. – Д.П.]»^{xxxii}. В Марабарских пещерах Адела сама разрушила представление о своем Я как о монолитном, оно получило возможность «преодоления себя сегодняшнего» (по А. Адлеру).

Только на суде наступает прозрение героини. Адела «не думала о том, что произошло,... но она вернулась в Марабарские пещеры.... Роковой день повторился, подробно, в деталях, но сейчас она присутствовала там и не присутствовала одновременно, и в этом двойном ракурсе было какое-то свое неопишное очарование... Ее видение включало несколько пещер. Она видела себя в одной из них, но она также была и не в ней.... Она не смогла определить, где находился он [Азис. – Д.П.]. Именно в этом заключалось сомнение, которое... преследовало ее.... Боюсь, я сделала ошибку.... Доктор Азис не преследовал меня в пещере»^{xxxiii}. Итак, на суде Адела находится и в пещере, и одновременно вне пещеры, пристально наблюдая, зайдет ли туда Азис. При помощи такого «двойного ракурса» Адела может увидеть сцену нападения собственными глазами. Это и есть, на наш взгляд, «двойное видение», заключающееся в способности личности увидеть себя как не-себя, а как Другого, осознать свою нетождественность самому себе, то есть прикоснуться к миру

внутренней инаковости. После того, как Адела посмотрела на себя со стороны, своим внутренним взором, она отказывается от обвинения. Эхо, связанное с ее пониманием виновности/невиновности Азиса, исчезает только тогда, когда Адела признается, что сделала ошибку. На суде, соприкоснувшись с невидимым миром своего Я, Аделе удастся «соединиться». Когда Адела осознала всю ограниченность своего рационализма, Я перестало диссонировать с преследующем ее эхо, она стала уверена в невинности Азиса. После суда Я Аделы начинает исследовать опыт, полученный во время путешествия в Марабарские пещеры.

Трагедия Аделы Куестед, на наш взгляд, заключается в принципе в том же. В пещере она не смогла «соединиться», не смогла достигнуть «этовости» (термин И.Д. Скота, трактуемый им как «самотождественность... в самости»^{xxxiv}). Вся жизнь Аделы руководствовалась разумом. Вход в пещеры – вход в область самой себя – вход для Аделы болезненный. Как уже отмечалось, в романе Э.М. Форстера Адела представляет такой характер, который живет лишь по законам разума, подавляя свои эмоции и влечения.

Иллюзорный характер пещеры у Форстера связан с «видением» Аделы. Как уже указывалось выше, в пещере Аделе открывается знание об отношениях с Ронни. Адела борется с ним («если любовь – это все, единицы доживут до конца медового месяца»^{xxxv}), ибо его принятие влечет за собой внутреннюю пустоту. Чем больше Адела отказывается от данного ей знания, тем менее она способна постигнуть произошедшее с ней в пещере. Она подменяет осознание внутренней пустоты иллюзией. Совершенно справедливо указывает критик Д. Д'Круз, что «борьба с самой собой против... правды допускает для Аделы внешнее прикрытие в виде попытки изнасилования Азисом»^{xxxvi}. Она, таким образом, входит в мир самообмана. Адела избавляется от своей иллюзии при помощи «двойного видения».

Произошедшее в пещерах оказалось благотворным для Аделы: после суда в беседе с Филдингом она признается, что «у меня такое чувство, что всем нам надо на несколько столетий вернуться в пустыню и попытаться исправиться. Я хочу начать с самого начала. Все, чему я научилась, – просто помеха, а совсем не знание»^{xxxvii}. Филдинг и Адела пытаются вместе найти объяснение, что же все-таки произошло с Аделой в пещере. Филдинг предполагает, что в Марабарских пещерах случилось что-то одно из следующего: либо, преступление совершил доктор Азис, либо Аделой выдвинула обвинение из-за злобы, либо с ней случился приступ галлюцинации, либо это преступление совершил кто-то другой. Адела не может с уверенностью сказать, кто напал на нее в пещере, но знает, что произошедшее связано с ее помолвкой с Ронни.

Адела предполагает, что преступление, возможно, совершил гид (полагаем, что «преступление» совершил «внутренний гид», который и привел Аделу к «цельности»). В конце концов, Адела и Филдинг понимают, что при помощи рационализма они не в состоянии объяснить, что же на самом деле произошло в пещерах: «она была на грани срыва, и он тоже.... Возможно, жизнь представляла собой загадку, а не хаос, они не могли ничего на это сказать.... Бесконечно далекая... цель была не для них, и они никогда не стремились к ней»^{xxxviii}.

Итак, путь к душевной гармонии героями Э.М. Форстера заключается в обретении человеком «цельности», что возможно в контакте с Другим(и) и «примирении» с самим собой: «признавая... [Другого] внутри нас, – указывает Ю. Кристева, – мы избавляемся от ненависти [к нему]»^{xxxix}. Для достижения гармоничного существования героям Э.М. Форстера необходимо перестать жить в «коконах» своего Я; для того, чтобы прийти в согласие с «чужаком» внутри себя им нужно «соединиться». Последнее возможно при помощи «двойного видения», при котором Я способно увидеть Другого внутри себя.

Примечания

ⁱ Красильников, А. Г. «Поездка в Индию» Эдварда Моргана Форстера как антиколониальный роман: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / А. Г. Красильников; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1981, с. 12.

ⁱⁱ Там же.

ⁱⁱⁱ Forster, E. M. *Three Countries* / E. M. Forster // *Hill of Devi and Other Indian Writings* / E. M. Forster. – New York: Abinger, 1983, p. 298.

^{iv} Forster, E. M. *A Passage to India* / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000, p. 31.

^v Там же, p. 138.

^{vi} Там же, p. 139.

^{vii} Там же, p. 197.

^{viii} Там же, p. 231.

^{ix} Там же, p. 152.

^x Ситуация схожа с той, которую описывает Ж. Лакан в своем семинаре «Четыре фундаментальных понятия психоанализа». Ж. Лакан вспоминает известный парадокс Чжуан Цзы, суть которого в том, что однажды Чжуан Цзы приснилось, что он стал бабочкой. Впечатление от сна было столь ярким, что после пробуждения Чжуан долгое время никак не мог разрешить дилемму: кто же он есть на самом деле – Чжуан Цзы, которому приснилось, что он превратился в бабочку, или бабочка, которой сейчас снится, что она Чжуан Цзы? В связи с этим встает вопрос об идентичности вообще и об идентичности самому себе в частности.

^{xi} Топоров, В. Н. Пещера / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1988. – Т. 2.: К-Я, с. 311.*

^{xii} Forster, E. M. *A Passage to India* / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000, p. 137.

^{xiii} Там же, p. 205.

^{xiv} Топоров, В. Н. Пещера / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1988. – Т. 2.: К-Я, с. 311.*

^{xv} Цит. по: Stone, W. *The Cave and the Mountain. A Study of E. M. Forster* / W. Stone. – Stanford (Calif), Stanford Univ. Press; London, Oxford Univ. Press, 1966, p. 302.

^{xvi} Там же.

- ^{xvii} Любопытно отметить, что «ничего» («nothing»), эксплицитно или имплицитно, связано с описанием Марабарских пещер: «[they are] like *nothing* else in the world», «they bear *no relation* to anything dreamt or seen», «*nothing, nothing* attaches to them», «*nothing, nothing* would be added to the sum of good or evil [курсив наш. – Д.П.]».
- ^{xviii} Эпиграфом к роману Форстера «Хауардз Энд» («Howards End») является «Только соединить...» («Only connect...»).
- ^{xix} Forster, E. M. A Passage to India / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000, p. 162.
- ^{xx} Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; пер. А. М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991, с. 287.
- ^{xxi} Там же, с. 112.
- ^{xxii} Там же, с. 113.
- ^{xxiii} Там же.
- ^{xxiv} Forster, E. M. Anonymity: An Enquiry / E. M. Forster // Two Cheers for Democracy / E. M. Forster. – London: Arnold, 1951, p. 83–84.
- ^{xxv} Там же.
- ^{xxvi} Forster, E. M. A Passage to India / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000, p. 92.
- ^{xxvii} Там же, p. 89.
- ^{xxviii} Юнг, К. Г. Аion: Исследования феноменологии самости / К. Г. Юнг // Избранное. – Минск: ООО «Попурри», 1998, с. 168.
- ^{xxix} Forster, E. M. A Passage to India / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000, p. 185.
- ^{xxx} Там же, p. 281.
- ^{xxxi} Там же.
- ^{xxxii} Там же, p. 185–186.
- ^{xxxiii} Там же, p. 230–231.
- ^{xxxiv} Цит. по: Абушенко, В. Л. Идентичность / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов – 3-е изд., испр. – Минск: Кн. дом, 2003, с. 401.
- ^{xxxv} Forster, E. M. A Passage to India / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000, p. 163.
- ^{xxxvi} D’cruz, D. Emptying and Filling along the Existential Coil in A Passage to India / D. D’cruz // Studies in the Novel. – 1986. – Vol. 18, № 2, p. 199.
- ^{xxxvii} Forster, E. M. A Passage to India / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000, p. 203.
- ^{xxxviii} Там же, p. 261–262.
- ^{xxxix} Цит. по: Norris, Ch. Truth and the Ethics of Criticism / Ch. Norris. – New York: Manchester Univ. Press, 1994, p. 84–85.

«Статья публикуется впервые»

05.10.2008

Denis O. Polovtsev

“Double Vision” in E.M. Foster’s “A Passage to India”

The article analyzes the novel of E. M. Forster “A Passage to India”. It has been revealed that the “double vision” vested in the characters of the novel is connected with their understanding as being the Other(s). The characters unable to “connect” themselves and the internal Other experience a shock.

Половцев Денис Олегович – магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

Рабочий адрес и телефон: 210000, Республика Беларусь, г. Витебск, пр-т. Московский д. 33, ауд. 130; тел.: 8-10-375-212-21-96-73, 8-10-375-212-21-49-59 (факс).

Домашний адрес и телефон: 210035, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. Терешковой д. 14, к. 1, кв. 116; тел.: 8-10-375-212-23-02-97 (дом), 8-10-375-29-711-50-84 (сот).

Электронная почта: dzianispol@list.ru